

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

(Продолженіе ¹).

За-Ботническая операція графа Н. Каменскаго.

23-го іюля въ Умео прибыль графъ Н. Каменскій, назначенный вмѣсто генерала Алексѣева, командиромъ нашего Улеборгскаго корпуса. Тремя днями позже, 26-го іюля, прибыли въ Або шведскіе уполномоченные для веденія мирныхъ переговоровъ, бывшій шведскій посланникъ въ Петербургъ баронъ Стедингъ и полковникъ Шельдебрантъ, которые тотчасъ-же отиравились въ Фридрихсгамъ, гдѣ ожидали ихъ русскіе уполномоченные во главѣ съ канцлеромъ графомъ Румяновымъ.

Такимъ образомъ операція графа Каменскаго въ Вестро-Ботніи происходила во время переговоровъ о мирѣ и самымъ существеннымъ образомъ повліяла на ихъ исходъ, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Къ этому, собственно говоря, сводится ея значеніе въ общемъ ходѣ войны.

Въ ожиданіи введенія въ дѣйствіе выговореннаго Алексѣевымъ у шведовъ *условія*, разрѣшавшаго нашимъ судамъ безпрещатвенно плавать по Ботническому заливу сѣвернѣе линіи отъ Умсо до Вазы и, такимъ образомъ, позволявшиаго перевозить продовольствіе къ бывшимъ на шведскомъ берегу войскамъ прямо водою, Каменскій

¹) См. «Военный Сборникъ» № 7.

засталъ свой корпусъ на сокращенной дачѣ. Люди получали всего $\frac{2}{3}$ провіанта; правда, недостающую часть пополняли путемъ увеличения количества мяса, но скоро это стало невыполнимымъ, такъ какъ на мѣстѣ уже пріобрѣтать его никакими средствами сдѣлалось невозможно... Между тѣмъ шведы съ умысломъ затягивали отвѣтъ на поставленные нами, съ одобренія Императора Александра, условія перемирія, пользуясь тѣмъ, суда ихъ продолжали преграждать намъ подвозъ черезъ море, и тѣ изъ коническихъ кораблей, которые рискнули совершить этотъ рейсъ, попались въ руки шведовъ...

Очевидно, противникъ обращалъ всецѣло въ свою пользу ту неизбежную проволочку, которая происходила всякій разъ, какъ происходила обмѣнъ условій для перемирія. Въ данномъ случаѣ для нихъ было въ особенности важно поставить намъ корпусъ въ самыя стѣснительныя условія, такъ какъ это способствовало бы всецѣло осуществленію зародившагося у нихъ замысла. Замыселъ этотъ заключался въ томъ, чтобы послѣднимъ усиліемъ попытаться вырвать изъ нашихъ рукъ хотя бы частный усмѣхъ, что позволило бы добиться менѣе тяжкихъ условій мира.

Въ томъ, что Финляндіи придется лишиться, — печого было шведамъ и сомнѣваться; но они надѣялись удержать въ своихъ рукахъ Аландскіе острова и Вестро-Ботнію, т. е. уступить Россіи только земли южнѣе рѣки Кеми, составлявшей въ то время границу между Эстро-Ботнійской и Вестро-Ботнійской провинціями.

Важнымъ условіемъ, игравшимъ въ руку шведамъ, было положеніе на морѣ, гдѣ, въ сущности, всюду господствовали наши противники.

Содѣйствіе англичанъ шведамъ въ 1809 году выразилось въ посылкѣ эскадры адмирала Сомареца, которая съ конца апрѣля сосредоточилась въ Гетеборгѣ; часть ея, какъ и въ предыдущемъ году, оставлена была для охраны западнаго и юго-западнаго побережій Швеціи, на случай возможнаго нападенія датчанъ, а всѣ остальныя силы, въ количествѣ 10-ти линейныхъ кораблей и 17-ти судовъ меньшей вмѣстимости, подъ флагомъ самого адмирала, къ концу мая были въ Карлскронѣ. Флотъ этотъ производилъ поиски въ Финскій заливъ, добирался до самаго Бьерка; не совершивъ никакихъ серьезныхъ предпріятій, онъ, однако, добился одного весьма существеннаго результата: *нашъ флотъ въ эту кампанію такъ изъ Кронштадта и не вышелъ.*

Такимъ образомъ морскія силы въ сѣверной части Ботническаго залива, организуемая нами съ такимъ стараніемъ и напряженіемъ, были совершенно разобщены отъ источниковъ своего пополненія т. е. отъ единственной нашей морской базы — Кронштадта. Вотъ, въ сущности, главная причина (кромѣ техническихъ недочетовъ и несовершенствъ, въ значительной мѣрѣ тормозившихъ дѣло), помѣшавшая намъ довести до конца начатое дѣло морскихъ вооруженій въ Ваагъ и Улеаборгъ...

Имѣя возможность пользоваться полною, такъ сказать, свободою передвиженія по Ботническому заливу, шведы рѣшились на слѣдующій планъ. Пользуясь изолированностью корпуса графа Каменскаго, они вознамѣрились бросить на него всѣ оставшіяся въ ихъ распоряженіи силы, притомъ одновременно съ фронта и съ тыла, сочетавъ наступленіе сухимъ путемъ съ переброскою на судахъ восьмидесячнаго десанта.

Въ распоряженіи шведовъ, кромѣ «сѣвернаго» корпуса, авангардомъ котораго начальствовалъ Сандельсъ, оставались еще такъ называемыя «западная» и «береговая» арміи, общою численностью въ 17,000 человекъ, за вычетомъ больныхъ и командированныхъ ¹⁾. «Береговая» армія насчитывала всего 3,000 чел., по большей части ландверистовъ. Какъ только съ Норвегіей заключено было перемиріе, и опасенія за западный фронтъ ослабли, тотчасъ же береговая армія была усилена за счетъ западной, и стала зарождаться планъ новаго активнаго предпріятія противъ русскихъ.

Первую мысль о наступательной операціи въ Вестро-Ботнію подавалъ извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельтъ ²⁾, пресловутый впоследствии совѣтникъ Императора Александра по финляндскимъ дѣламъ и родоначальникъ финляндскихъ министровъ статсъ-секретарей, въ то время еще не перебѣжавшій на русскую службу. Руководить всѣмъ дѣломъ взялся Адлерспарре, недавній предводитель военнаго возстанія противъ Густава IV Адольфа, теперь пользующійся большимъ вліяніемъ въ государствѣ... Наибольшая трудность заключалась въ томъ, чтобы избрать начальника для той смѣлой экспедиціи, которая должна была, по мысли инициаторовъ плана, сыграть наиболѣе рѣшительную роль, захвативъ сообщенія русскихъ войскъ и тѣмъ поставивъ ихъ въ безвыходное положеніе... Сперва намѣчали Адлеркрейца, который уже въ предше-

¹⁾ Nordensvan, 461.

²⁾ Тамъ же, 462.

ствующей Финляндской кампани показала способность къ самостоятельному командованію, но Адлерспарре опасался его соперничества въ дѣлѣ вліянія на дѣла государства (оба были въ числѣ главныхъ дѣятелей недавняго переворота). Поэтому послѣдній добился того, что общее начальствованіе надъ десантной экспедиціей было ввѣрено адмиралу Пуке, а генералъ графъ Вахтмейстеръ, командовавшій арміей береговой обороны, поставленъ во главѣ десантнаго корпуса...

Баронъ Пуке, 58-ми лѣтъ, былъ человекъ отъ природы весьма одаренный, и какъ флотоводецъ, выказалъ себя предводителемъ искуснымъ и хладнокровнымъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, о немъ отзывъ шведскихъ историковъ. Но онъ совершенно не былъ знакомъ съ условіями веденія сухопутныхъ операцій и потому, въ качествѣ высшаго руководителя всего предпріятія, призваннаго объединить дѣйствія двухъ сухопутныхъ «армій» (ибо и корпусъ Вреде былъ ему подчиненъ), едва ли могъ считаться на своемъ мѣстѣ. Что же касается графа Вахтмейстера, то онъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ дворянскихъ родовъ Швеціи, былъ королевскимъ генералъ-адъютантомъ и считался однимъ изъ способнѣйшихъ генераловъ шведской арміи.

Въ составъ ввѣреннаго ему десантнаго корпуса было назначено 17 баталіоновъ линейной пѣхоты, 3 егерскихъ баталіона и только $\frac{1}{2}$ эскадрона лейбъ-гвардейской конницы (Lifgardens till häst) для штабной службы. Артилерія взята только двѣ 6-орудійныхъ пушечныхъ батареи и 4 гаубицы; рассчитывали, что удастся, послѣ высадки, снять еще нѣсколько пушекъ съ судовъ.

Общая численность десантнаго корпуса: 234 офицера, 7,375 в. чиновъ, 229 верховыхъ и артилерійскихъ лошадей ¹⁾. Государственные чины ассигновали 200,000 риксдалеровъ въ недѣлю на пополненіе всѣхъ расходовъ по этой экспедиціи. Для перевозки корпуса было назначено изъ состава корабельнаго и шхернаго флота въ общей сложности 52 судна съ 2,500 чел. экипажа; сверхъ того на особыхъ транспортныхъ судахъ погружено было продовольствіе на 2 мѣсяца, и устроено было два корабля-госпитали на 90 мѣсть.

Мѣстомъ посадки войскъ назначенъ былъ Гернезандъ, гдѣ 2-го августа состоялся, подъ предѣдательствомъ адмирала Пуке, военный совѣтъ, въ которомъ участвовали Вахтмейстеръ, Вреде, Дебельнъ и др., для окончательной разработки плана экспедиціи.

¹⁾ Nordensvan, 463.

Общая цѣль ея была всегдѣ одинаково ясна: десантный корпусъ долженъ такъ высадиться, чтобы перехватить тылъ графа Каменскаго и отрѣзать ему сообщенія съ сѣверомъ по единственной береговой дорогѣ. Но какъ только коснулось подробностей исполненія, то возникли существенныя разногласія. Вреде считалъ, что ему, съ его корпусомъ, нужно завлечь Каменскаго на югъ какъ можно дальше, и только, когда это удастся, Вахтмейстеру произвести десантъ сѣвернѣе Умео, съ тѣмъ, чтобы высадившіяся войска быстро овладѣли этимъ городомъ и, такимъ образомъ, выполнили свою задачу. Наоборотъ, Вахтмейстеръ и Лагербринкъ находили, что высадку слѣдуетъ произвести никакъ не южнѣе Шелефтѣ, съ тѣмъ, чтобы на сѣверномъ берегу рѣки занять здѣсь крѣпкую позицію, преграждая Каменскому отступленіе, тогда какъ Вреде долженъ былъ напирать на него съ фронта. Пуке придавалъ главное значеніе быстротѣ и внезапности появленія высадившихся войскъ въ тылу у непріятеля, а потому стоялъ за высадку близъ Умео, на сѣверномъ берегу рѣки, будучи увѣренъ, что Каменскій съ главными силами будетъ наступать къ рѣкѣ Эре, о чемъ, однако, покаместъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній еще не было. Дебельнъ считалъ необходимымъ, чтобы флотъ произвелъ сильную демонстрацію гдѣ-либо у Ратана, съ цѣлью отвлечь сюда вниманіе русскихъ. Какъ водится, на военномъ совѣтѣ единодушія и согласія достигнуто не было, и Пуке въ концѣ концовъ остановился на «среднемъ» рѣшеніи: произвести высадку у Ратана, въ 50 верстахъ сѣвернѣе Умео, а Вреде не начинать наступленія ранѣе трехъ дней по отплытіи экспедиціи изъ Гернезанда.

Тѣмъ временемъ графъ Каменскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Вестро-Ботніи, пришелъ къ заключенію о невозможности для его корпуса продолжать оставаться въ бездѣйствіи. «Если перемиріе и состоится (доносилъ онъ), то мнѣ долго на мѣстѣ стоять невозможно, и я долженъ буду *искать продовольствія у самаго непріятеля*. Сосѣдняя съ Вестро-Ботніею Ингерманландская область, гдѣ стоятъ Сандельсъ съ войсками, изобильна, и можетъ прокормить нѣкоторое время ввѣренный мнѣ корпусъ. Поэтому полагаю я, въ случаѣ незаключенія перемирія, начать тотчасъ наступательныя дѣйствія и вытѣснить непріятеля изъ занимаемой имъ провинціи, необходимой для продовольствія нашихъ войскъ».

Такимъ образомъ, принятіе шведами нашихъ условій для перемирія (о которыхъ упоминалось въ предыдущей статьѣ), изба-

вляло бы нашъ корпусъ отъ необходимости наступать, такъ какъ открывало подвозъ моремъ черезъ Ботнику. Каменскому не было и не могло быть еще извѣстно о замыслѣ шведовъ избрать его корпусъ объектомъ съ цѣлью вырвать у насъ частный успѣхъ; поэтому онъ покажется еще довѣрять искренности ихъ намѣренія заключить перемиріе и еще не успѣлъ заподозрить въ этомъ только ловушки для выигрыша времени. Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи отвѣта на наши условія, онъ озаботился размѣщеніемъ своего корпуса такъ, чтобы быть, на всякій случай, возможно болѣе готовымъ къ отраженію всякихъ возможныхъ случайностей. Такъ какъ протяженіе береговой линіи отъ Умео до Улеборга доходило до 500 верстъ, а силы Каменскаго, въ общей сложности, не превышали тѣхъ же 10 тысячъ, которыя были первоначально даны въ распоряженіе его предшественниковъ, чтобы по возможности избѣжать дробленія своихъ силъ и, въ то же время, не оставлять побережья безъ охраны, Каменскій распорядился слѣдующимъ образомъ. Въ Улеборгѣ оставилъ по прежнему два баталіона Кременчугскаго полка, въ Торнео расположилъ баталіонъ Могилевскаго полка, охранявшій побережье отъ Кеми до Калликса. Тульскій полкъ охранялъ пространство отъ Калликса до Шелефтѣ, 23-й егерскій—отъ Шелефтѣ до Умео, причемъ главныя свои силы оба держали близъ середины отведеннаго имъ участка побережья. Бригаду изъ полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго Каменскій осадилъ нѣсколько назадъ, въ видѣ сильнаго аріергарда, долженствовавшаго прикрывать его тылъ отъ возможныхъ высадокъ; что же касается главной массы корпуса, то она, въ числѣ 6,000 штыковъ, назначалась исключительно для наступленія. «Стоя въ Умео, худо грозить непріятелю въ самыхъ вѣдрахъ его края и мудро имѣть вліяніе на тѣхъ обывателей, которые находятся позади непріятельской линіи». Такъ доносилъ Каменскій Аракчееву 21-го іюля, сообщая свои предположенія для доклада Государю ¹⁾. Императоръ Александръ сдѣлалъ на этомъ донесеніи слѣдующую, весьма характерную помѣтку. «Всѣ разсужденія Каменскаго пахоту весьма здравыми. Одного боюсь Я, чтобы баталіоны, оставленные имъ на разныхъ пунктахъ между Улеборгомъ и Умео, не пострадали. Но сіе многое зависѣть будетъ отъ тѣхъ предписаній, какія онъ имъ далъ, и отъ образа исполненія частныхъ командировъ». По-

¹⁾ Любопытно, что въ этотъ періодъ войны Каменскій все время доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ непосредственно въ Петербургъ военному министру, минуя главнокомандующаго.

мѣтка эта показываетъ, насколько развито было въ Императорѣ Александрѣ уваженіе къ истиннымъ принципамъ военнаго искусства, такъ какъ несомнѣнно видно, что Онъ чувствовалъ въ его расположеніи недостаточное уваженіе къ принципу сосредоточенія силъ.

Вскорѣ по прибытіи графа Каменскаго со шведами снова завязались переговоры. На самомъ дѣлѣ шведы, видимо, умышленно тянули время, чтобы успѣть закончить необходимыя приготовленія. Они сперва сообщили намъ о полученіи отвѣта на наши требованія; когда же нашъ переговорщикъ баронъ Тейль, по приказанію Каменскаго, не согласился ни на какія уступки и предварилъ, что въ случаѣ отказа въ принятіи нашихъ условій, мы возобновимъ военныя дѣйствія, Сандельсъ выговорилъ все-таки, чтобы сдѣлана была отсрочка до 28-го іюля, съ тѣмъ, чтобы успѣть получить отъ короля изъ Стокгольма разрѣшеніе. Притомъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій надлежало предварить другъ друга за 24 часа. Каменскій далъ сперва согласіе на эту проволочку, нуждаясь самъ во времени для сбора войскъ въ назначенные пункты; когда же наступилъ срокъ, и Сандельсъ извѣстилъ, что все еще не имѣетъ отвѣта изъ Стокгольма, Каменскій рѣшилъ лично переговорить съ Сандельсомъ. 31-го іюля послѣдній прибылъ въ назначенное для свиданія мѣсто; онъ увѣрилъ, что король не изъявилъ согласія на наши условія, но что главнокомандующій вновь обратился къ нему съ просьбою не отвергать перемирія; отвѣтъ на это ходатайство ожидается вскорѣ, и потому шведскій генералъ просилъ не возобновлять дѣйствій до тѣхъ поръ. Графъ Каменскій соглашался на это только при условіи немедленнаго для насъ открытія судоходства сѣвернѣе Кваркена или отступленія шведовъ къ Гернезанду. Такъ какъ Сандельсъ на это не могъ дать положительнаго отвѣта, то обѣ стороны разстались на томъ, что каждая впрямѣ дѣйствовать, кто когда захочетъ.

Въ тотъ самый день, 4-го августа, когда въ Фридрихсгамѣ начались, наконецъ, мирные переговоры, графъ Каменскій началъ наступленіе отъ Умео по направленію на Гернезанду, сдѣлавъ предварительно слѣдующія измѣненія въ группировкѣ тѣхъ силъ, которыя назначены были имъ для обезпеченія операціонной линіи. 23-й Егерскій полкъ (охраняющій побережье отъ Шелефтѣ до Умео), усиленный баталіономъ Навагинскаго полка, составилъ отрядъ полковника Фролова, поставленный близъ Ратана. Тенгинскій полкъ, съ другимъ баталіономъ Навагинцевъ, подъ командою г.-м.

Ершова, занявъ Умео. Баталіонамъ Пермскаго и Могилевскаго полковъ, расположеннымъ—первымъ въ Питео, а вторымъ—въ Торнео, приказано было при извѣстіи о высадкѣ непріятеля, немедленно идти къ нему навстрѣчу. «Въ такомъ положеніи (допослѣ Каменскій Аракчееву 5-го августа) сзади себя десанта никакого не боюсь, тѣмъ болѣе, что ожидаю прибытія первой эскадры изъ Умеоборга. Съ остальными войсками рѣшился и переправиться черезъ Эре и тѣснить непріятеля, пока могу то дѣлать на оголенномъ берегу. Для меня движеніе впередъ необходимо; въ новомъ краю надѣюсь найти продовольствіе и, угрожая непріятелю вторженіемъ въ нѣдра его края, ускорить, можетъ быть, черезъ то заключеніе мира».

Изъ Умео войска Каменскаго выступили 4-го августа двумя колоннами, изъ которыхъ первая, подъ начальствомъ г.-м. Алексѣева, состояла изъ двухъ эшелоновъ, по 3 баталіона въ каждомъ, и вторая, подъ личнымъ начальствомъ Каменскаго, тоже изъ двухъ эшелоновъ, по 4 баталіона въ каждомъ. Кроме того за вторую колонну шел особый резервъ подъ начальствомъ Сабанѣева, изъ 4 баталіоновъ. Такая дробная организація марша, способствуя быстротѣ движенія, облегчала возможность обратиться въ нужную минуту въ любомъ направленіи.

Первой колоннѣ приказано было перейти рѣку Эре въ 15 верстахъ выше устья и затѣмъ надавливать на лѣвый флангъ шведовъ; остальные силы должны были форсировать переправу на Эре по главному береговому тракту и тѣснить непріятеля за кирку Олофоръ. Приказомъ по своему корпусу, отданнымъ наканунѣ, Каменскій назначилъ свою главную квартиру въ селеніи Нордмалингенъ, расположенномъ въ пяти верстахъ южнѣе непріятельской позиціи, стремясь заранѣе внушить войскамъ увѣренность въ побѣдѣ...

Первый переходъ закончился былъ безпрепятственно, и головы колоннъ приблизились уже къ рѣкѣ Эре, какъ изъ Ратана, отъ полковника Фролова пришло донесеніе о появленіи тамъ многочисленнаго непріятельскаго флота «болѣе нежели изъ 100 судовъ» и начатія съ него высадки.

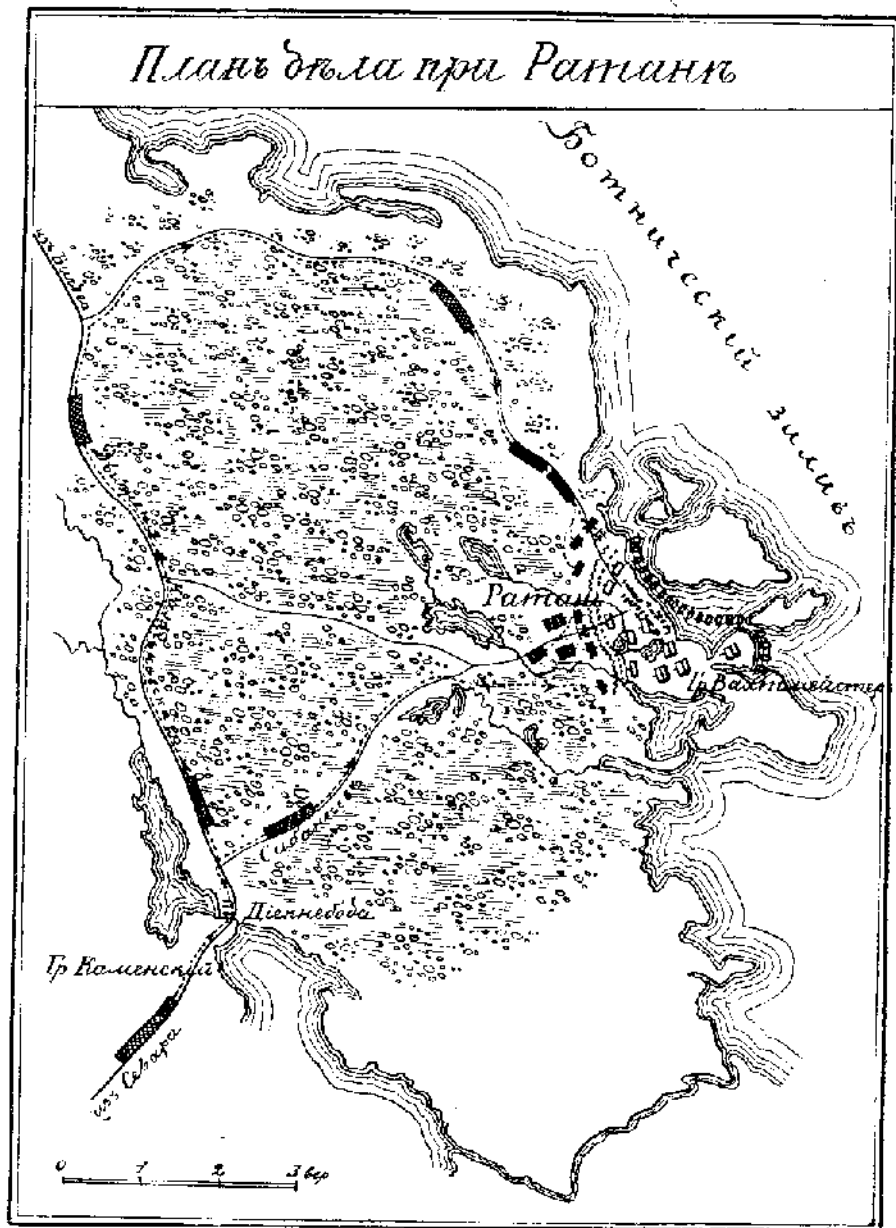
Такимъ образомъ, войска графа Каменскаго оказались между двухъ огней; съ фронта, за рѣкою Эре, былъ Вреде по крайней мѣрѣ съ 6 тысячами, а съ тыла у Ратана высаживался Вахтмейстеръ съ 8 тысячнымъ корпусомъ. Разстояніе между Ратаномъ, мѣстомъ высадки шведовъ, и рѣкою Эре, къ которой подходили головные эшелоны графа Каменскаго и за которой были войска Вреде и Сан-

дельса, —отъ 5 до 6 нормальныхъ переходовъ. Пользуясь своимъ внутреннимъ положеніемъ, Каменскій рѣшился сосредоточить большую часть своихъ силъ противъ десантнаго корпуса, удерживая Вреде демонстративными движеніями. Такъ какъ Вахтмейстеръ являлся не только *сильнѣйшимъ*, но, главное, —и *опаснѣйшимъ* для насъ противникомъ (захватъ единственнаго пути, связывавшаго насъ съ Финляндіей), то рѣшеніе Каменскаго обратиться назадъ и, измѣнявъ въ корнѣ первоначальный планъ, раздавить сперва эту группу, должно быть признано образцовымъ. Исполненіе облегчалось тѣмъ искуснымъ эшелонированіемъ своихъ силъ, о которомъ мы уже говорили. Тотчасъ же, на 5-е августа, отдаются приказанія: а) «резерву» Сабанѣева, едва прошедшему Умео, немедленно обратиться вѣшать, на поддержку Фролова; б) головному эшелону лѣвой колонны, подъ начальствомъ Эриксона, остаться на берегахъ рѣки Эре, все время демонстративно атакуя на ней переправы и привлекая па себя вниманіе Сандельса въ теченіе всего дня, послѣ чего, подъ покровомъ ночной темноты отступить къ Умео, не трѣбляя за собою мосты и в) всемъ остальнымъ войскамъ форсированнымъ маршемъ слѣдовать назадъ, за Сабанѣевымъ, который, такимъ образомъ изъ резерва превращался въ авангардъ корпуса.

Все эти передвиженія происходили 5-го августа. Въ этотъ день утромъ шведы успѣли высадить у Ратана авангардъ изъ 3 егерскихъ баталіоновъ и одной бригады съ батареей, который былъ подъ начальствомъ Лагербринка. Послѣдній съ частью силъ пошелъ лѣсомъ прямо на Двекнебоду, занятую Фроловымъ, направивъ остальные силы съ фронта. Послѣ непродолжительнаго боя, русскіе очистили Двекнебоду, и селеніе это было занято непріятелемъ, который къ вечеру того же дня былъ подвѣрженъ и главными силами десанта. Съ захватомъ Двекнебоды, расположенной на главномъ береговомъ трактѣ, сообщенія Каменскаго уже были перехвачены. Для обезпеченія пункта высадки немедленно начаты были у Ратана укрѣпленія, причемъ въ качествѣ рабочей силы употреблены экипажи транспортныхъ судовъ.

Медленность высадки шведовъ у Ратана, затянувшаяся на цѣлыя сутки, произошла вслѣдствіе сильнаго тумана, заставившаго прервать ее на цѣсколько часовъ. По очищеніи Двекнебоды, Фроловъ оттянулъ свои войска назадъ къ Тефте и здѣсь 6-го утромъ соединился съ Сабанѣевымъ. Всего образовалось такимъ образомъ здѣсь около 3 тыс. противъ 8 тысячъ шведовъ. Очевидно, обстановка требовала отъ Вахтмейстера крайней быстроты и энергіи;

надо было *устить* превосходными силами разбить втрое слабѣйшій русскій отрядъ до подхода остальныхъ силъ Каменскаго. Вместо

этого, шведскій генералъ, продвинувшись до Севара (20 верстъ сѣвернѣе Умео) и отгнѣсивъ отсюда бывшія здѣсь передовыя наши части, остановился здѣсь и сталъ выжидать дальнѣйшихъ приказа-

пій адмирала Пуке. Шведскіе историки сильно упрекаютъ графа Вахтмейстера за эту остановку, подарившую русскимъ все 6-е число августа. Если бы Вахтмейстеръ продолжалъ наступленіе къ Умео, тѣмъ же Фроловъ съ Сабаѣвымъ, то могъ бы нанести рядъ послѣдовательныхъ ударовъ спѣшно подходившимъ эшелонамъ нашихъ войскъ. Если же, наоборотъ, онъ желалъ принять оборонительный бой, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало ему избирать для того мѣстность у Севара, не представляющую никакихъ выгодъ, а либо остаться у Двекнебоды, либо продвинуться впередъ къ Тефте. Во всякомъ случаѣ даже у Севара, имѣя сутки въ своемъ распоряженіи, можно было укрѣпиться, изучить мѣстность и т. п. Ничего этого сдѣлано не было.

Норденвалъ (стр. 466) утверждаетъ, что дневка у Севара была вызвана съ одной стороны полученнымъ шведами ложнымъ извѣстіемъ о томъ, что Каменскій сосредоточивается близъ самаго Умео, а съ другой—утомленіемъ войскъ послѣ высадки и 30 километровъ марша. По словамъ участника этой операціи Лагербринка, остановкѣ у Двекнебоды вмѣсто Севара, гдѣ мѣстность была гораздо выгоднѣе для обороны, помѣшалъ категорическій приказъ адмирала Пуке «быстро наступать впередъ». Самъ Лагербринкъ былъ посланъ къ адмиралу 6-го числа послѣ полудня за распоряженіями, но вернулся оцъ лишь на другой день около 10 часовъ утра, когда бой былъ въ полномъ разгарѣ.

За то у Каменскаго дѣнь 6-го августа былъ днемъ лихорадочной дѣятельности. Не зирая на то, что всѣ три предшествующіе дня весь почти его корпусъ находился въ непрерывныхъ маршахъ, онъ потребовалъ отъ войскъ колоссальнаго напряженія, лишь бы достигнуть необходимаго сосредоточенія. Пока Фроловъ соединялся съ Сабаѣвымъ, остальные эшелоны спѣшили къ Умео, черезъ которое и прослѣдовали между 7-ю и 12-ю часами вечера. Въ Умео, на лѣвомъ берегу рѣки, войскамъ давался роздыхъ на нѣсколько часовъ, послѣ чего они возобновляли маршъ, и на зарѣ 7-го числа большая часть войскъ уже была въ Тефте. Вечеромъ 6-го числа отрядъ шведскихъ канонерокъ произвелъ опасное для насъ покушеніе разрушить мостъ черезъ рѣку Умео; если бы этотъ замыселъ удался,—корпусъ Каменскаго былъ бы на долгое время разрѣзанъ на двѣ и сосредоточить силы противъ десанта своевременно не смогъ бы... Къ счастью, противный вѣтеръ долго мѣшалъ канонеркамъ войти въ устье рѣки, такъ что только въ 5 часовъ вечера 6-го числа оказалось возможнымъ начать подыматься вверхъ по

теченію. Въ 10 часовъ вечера флотилія изъ 10 судовъ приблизилась къ городу и открыла картечный огонь, но колонна гс.-м. Алексѣева, проходившая въ это время черезъ Умео, не растерялась. Алексѣевъ разсыпалъ по берегамъ рѣки своихъ егерей, открывшихъ жестокий огонь по лодкамъ, а артилерійскій полковникъ Аргунь (отличившійся въ прошломъ 1808 году подъ Свеаборгомъ) быстро установилъ подъ городомъ батареи, стрѣльба которыхъ разсѣяла окончательно шведскія канонерки...

Въ теченіе того же дня Эриксопъ, оставшійся на р. Эре, все время производилъ демонстративныя попытки къ переправѣ черезъ рѣку, отражаемая шведами, а съ наступленіемъ ночи, укрываемый темнотою, отступилъ къ Умео, не преслѣдуемый Вреде.

7-го августа Каменскій намѣревался рѣшительно атаковать графа Вахтмейстера дабы прежде всего освободить себя отъ угрозы съ тылу. Придавая въ данномъ случаѣ первостепенное значеніе *быстротѣ*, дабы не давать десанту собраться и устроиться на берегу, онъ располагалъ атаковать съ тѣми войсками, которыя успѣли подойти, всего около 5,000 штыковъ и 8 орудій. Сюда вошелъ авангардъ Сабанѣева и эшелонъ, бывшій подъ начальствомъ Алексѣева; остальные войска, съ большою частью артилеріи, подъ командою Козачковского, задержались въ Умео, по вышеуказаннымъ причинамъ, но имъ предписано немедленно спѣшить на поддержку главной группы корпуса, какъ только присоединится аррьергардъ Эриксона; послѣднему надлежало принять отъ Козачковского оборону Умео, съ тѣмъ, чтобы удержать здѣсь корпусъ Вреде, если онъ появится.

Между Умео и Ратаномъ дорога идетъ все время между отдѣльными холмами и пригорками, большою частью съ поросшими лѣсомъ вершинами; только кое-гдѣ образуются небольшія открытыя прогалины, такая прогалина была и у Севара. Широкий протокъ, развѣтвляющійся южнѣе деревни, прикрывалъ расположеніе шведовъ; черезъ него переброшенъ мостъ длиною до 40 шаговъ по большой дорогѣ; южнѣе имѣлся бродъ, по которому можно было перейти протокъ, пользуясь небольшою тропинкой; еще южнѣе, болѣе труднопроходимая лѣсная тропа выводила, черезъ другой бродъ въ верховья залива, къ деревнѣ Юттербода, откуда можно было пробраться въ обходъ лѣваго фланга и даже въ тылъ позиціи шведовъ.

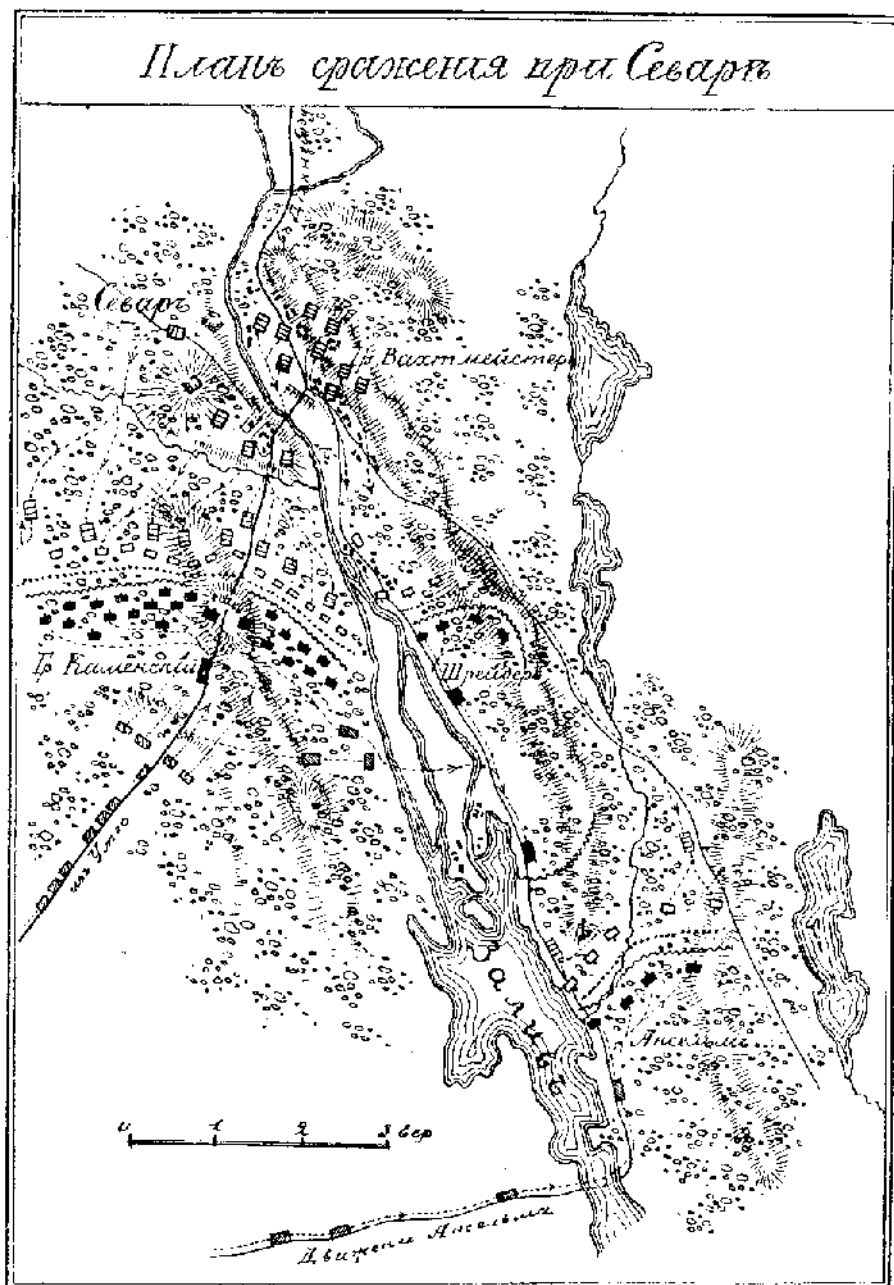
Въ противность своимъ прежнимъ взглядамъ, но, вѣроятно, въ виду слуховъ о приближеніи русскихъ къ Тефте, Вахтмейстеръ вечеромъ 6-го числа отдалъ слѣдующія распоряженія: а) 1 бата-

лионъ и часть егерей были выставлены къ Тверомарбу, откуда шла дорога въ обходъ праваго фланга шведовъ; б) другой баталіонъ поставленъ на перекресткѣ дорогъ сѣверо-восточнѣе Севара, въ качествѣ поддержки; в) передъ фронтомъ, на возвышенности западнѣе моста, поставленъ сторожевой отрядъ, силою въ 1 баталіонъ, съ добавкомъ егерей; въ поддержку ему, въ видѣ сторожевого резерва, назначенъ другой баталіонъ; непосредственно впереди моста, какъ бы въ видѣ дежурной части, — поставлено еще два баталіона съ двумя орудіями. На все это израсходована цѣлая первая бригада; отъ второй бригады выдѣленъ баталіонъ въ видѣ заслона въ направленіи на Юттербоду, и отъ него выслана къ броду небольшая застава. Остальные силы 2-й бригады и 3-я бригада бивакировали въ деревнѣ Севарь.

Силы графа Каменскаго для атаки расположенія шведовъ были распределены слѣдующимъ образомъ: 2 баталіона подъ командою г.-м. Ансельма де-Жибора направлены были къ броду черезъ заливъ, для обхода затѣмъ лѣваго фланга шведовъ. Остальные силы, въ предшествіи авангарда Сабанѣева, раздѣлены были на 2 колонны и резервъ и направлены для атаки съ фронта.

Въ 7 часовъ утра Сабанѣевъ потѣснилъ сторожевой шведскій отрядъ, находившійся впереди командующей высоты Крутброкеть, прикрывавшей, верстахъ въ 3-хъ переди Севара, расположеніе шведовъ. Шведы отошли на высоту, за которую завязался упорный, двухчасовой бой, потребовавшій съ обѣихъ сторонъ подкрѣпленій. Наконецъ, высота была захвачена нами, и тотчасъ же Каменскій приказалъ водрузить на ея вершинѣ всѣ свои 8 орудій. Вахтмейстеръ попытался помѣшать нашему успѣху, атаковавъ двумя баталіонами нашъ лѣвый флангъ, но они разстроились при наступленіи по густому лѣсу, а затѣмъ столкнулись тамъ съ 23-мъ егерскимъ полкомъ, которому было приказано ихъ сбить и преслѣдовать. Находя, что егеря ведутъ это преслѣдованіе недостаточно энергично, Каменскій приказалъ дать два картечныхъ выстрѣла имъ въ тылъ. Шведы снова повторили попытки съѣжими силами вырвать изъ нашихъ рукъ высоту Крутброкеть. Три раза достигали они вершины и всѣй разъ были нами отброшены. Атака велась съ охватомъ обонихъ фланговъ, причемъ охватывающія части подверглись, въ свою очередь, ударамъ во флангъ и тылъ со стороны нашихъ резервовъ. Оба генерала, предводившіе этими контръ-атаками, Алексѣевъ и Готовцевъ, были ранены, послѣдній — смертельно. Въмѣсто ихъ на лѣвое крыло назначенъ Сабанѣевъ, а въ центрѣ — Аргунь.

Тѣмъ временемъ Ансельмъ-де-Жибори, послѣ короткой ожесточенной схватки съ заставой, оборонявшей бродъ, переправился

здесь въ водѣ по поясъ, и, отогнавъ шведовъ, пошелъ лѣсною дорожкой, которая, черезъ лѣсистыя высоты, между заливомъ и болота-

ми, выводила въ тылъ лѣваго шведскаго фланга. Но тутъ, на высокой вершинѣ Финнбергъ уже были шведскіе егеря и батальонъ лейбъ-полка королевы, которымъ приказано было Вахтмейстеромъ обороняться до послѣдней крайности.

Въ 12-и часамъ дня положеніе атакующихъ сдѣлалось затруднительнымъ. Обходная колонна, отдѣленная отъ главныхъ силъ заливомъ, была задержана непріятельскими войсками, несмотря на посланную Жибори поддержку отъ батальона Пермскаго полка, подошедшаго изъ Умео. Графъ Каменскій, чтобы облегчить положеніе Ансельма де-Жибори, велѣлъ на фронтѣ атаковать оба непріятельскіе фланга; Ревельскому полку—правый, а Сѣвскому—лѣвый. Это привело къ отступленію шведовъ за мостъ, который они и разломали. Тѣмъ не менѣе противникъ стойко удерживалъ обѣ позиціи на нашемъ пути отступленія, а съ юго-восточной стороны можно было ожидать появленія корпуса графа Вреде.

Огонь шведовъ съ противоположнаго берега рѣки былъ такъ силенъ, что форсировать рѣку съ фронта стоило бы огромныхъ жертвъ. «Если не пробьемся,—заявилъ Каменскій—сбросимъ раны и пойдемъ въ Россію черезъ Лапландскія горы». Дѣлу помогъ *частный починъ ротнаго командира*. Въ самомъ началѣ боя одна рота Сѣвскаго полка, подъ командою штабъ-капитана Шрейдера, была поставлена у брода черезъ рѣку Севарь, для наблюденія за флангомъ нашего боевого порядка. По прибытіи сюда, Шрейдеръ донесъ, что противъ него ничего нѣтъ и просилъ разрѣшенія перейти рѣку и двинуться въ разрѣзъ между обѣими группами противника, для чего ходатайствовалъ о подкрѣпленіи. Это донесеніе пришло въ то время, когда въ резервѣ у Каменскаго оставалось всего 5 ротъ, не бывшихъ въ дѣлѣ, которые и были отряжены подъ команду Шрейдера, съ приказаніемъ, по переправѣ 3 роты двинуть въ тылъ Финнберга, а другія 3—на Севарь. Перейдя рѣку въбродъ, Шрейдеръ выполнилъ это приказаніе; появленіе обѣихъ отрядовъ было совершенно неожиданнымъ для непріятели, такъ какъ въ этомъ промежуткѣ не было у шведовъ ни одного дозора. У страха глаза велики, какъ водится: три роты, появившіяся въ тылу Финнберга, были приняты за «множество батальоновъ гренадеръ»... Все шведское лѣвое крыло пришло въ полное разстройство, чѣмъ немедленно воспользовался Ансельмъ и началъ настойчиво продвигаться впередъ. Одна шведская гвардія еще сохраняла нѣкоторое время порядокъ и прикрывала отступленіе; всѣ остальные въ смятеніи бросились бѣжать отдѣльными кучками по лѣснымъ тропинкамъ и потеряли много плѣнныхъ.

Въ то же время Каменскій, подерѣшивъ Аргуна изъ войскъ Сабанѣева, приказалъ ему переходить вбродъ южнѣе разломаннаго моста.

Начальникъ шведскаго десанта графъ Вахтмейстеръ находился со своимъ штабомъ на высотѣ восточнѣе моста, внимательно слѣдя за ходомъ боя. Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что войска его удерживаютъ съ успѣхомъ обѣ занимаемыя позиціи. Цѣлыхъ 5 баталіоновъ не было еще введено у него въ дѣло, не считая баталіона и егерей, выставленныхъ къ Гверомарку, притянуть которые своевременно было упущено.

Разочарованіе не замедлило, въ лицѣ прискакавшаго ординарца, который донесъ, что видѣлъ русскую колонну по дорогѣ отъ Юттербоды наступающую на Севаръ берегомъ рѣки. Это были вторыя три роты отряда Шрейдера, но Вахтмейстеръ и не подумалъ принять какихъ либо мѣръ для провѣрки полученнаго извѣстія и для выясненія, какія силы и откуда двигаются тамъ. Вѣроятно рѣшивъ, что обходъ его лѣваго фланга удался и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своихъ судовъ, Вахтмейстеръ немедленно отводитъ всѣ свои силы къ самому Севару, гдѣ уже были расположены съ артилеріей не бывшія въ дѣлѣ войска. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться имѣющимися свѣжими силами и ударить на обходящихъ, пользуясь ихъ изолированнымъ положеніемъ, Вахтмейстеръ возложилъ на эти свѣжія войска обязанность аррьергарда, а самъ началъ въ полномъ порядкѣ отступление. Подъ прикрытіемъ артилерійскаго и ружейнаго огня съ высоты Севара, шведы спокойно вытянулись въ колонну и пошли въ направленіи къ Двекнебодѣ. Наши войска слабо преслѣдовали, утомленные продолжительнымъ маршемъ и боемъ; графъ Каменскій собралъ свой корпусъ на бывшей позиціи непріятеля, и только казаки направлены были по его пятамъ, а баталіонъ Ревельскаго полка двинуть за ними для исправленія разрушаемыхъ переправъ.

Бой при Севарѣ продолжался съ 7 часовъ утра до 4-хъ пополудни, къ 11 часамъ вечера шведы достигли уже Двекнебоды, гдѣ предполагали сперва остановиться и возобновить оборону. Каменскій къ концу боя получилъ отъ Эриксона донесеніе, что графъ Вреде перешелъ черезъ рѣку Эре и приближается къ Умео. Расстояние между обѣими шведскими группами было, такимъ образомъ, отъ 2 до 3 переходовъ.

Графъ Каменскій совершенно правильно рѣшилъ добывать Вахтмейстера, уже ослабленнаго боемъ и болѣе опаснаго по своему положенію въ нашемъ тылу. «Не дамъ Вахтмейстеру покоя (доносить онъ), пока не заставлю его покинуть Ратанскую гавань». У Двекнебоды мѣстность чрезвычайно благоприятствовала пассивной оборо-

нѣ. Дорога проходила между двумя озерами, Ратутраскъ на югѣ и Двекнебода на сѣверѣ; далѣе еще 2 озера, окруженныя болотами, протягивались до берега; не было ни единой дороги или тропинки, по которой можно было бы обойти позицію, развѣ отдѣльныя пѣреходы могли пробраться черезъ болота. Однако Вахтмейстеръ отказался отъ первоначальнаго рѣшенія обороняться на этой позиціи. Причиной тому, — по шведскимъ источникамъ ¹⁾ — былъ ложный слухъ, доставленный офицерами, посланными для рекогносцировки позиціи у Двекнебоды, о движеніи, якобы, Каменскаго прямо на Ратанъ лѣсами вдоль берега. Вахтмейстеръ, не потрудившись провѣрить справедливость этого извѣстія, испугался того, что непріятель выйдетъ къ Ратану раньше его и отрѣжетъ его отъ моря, поспѣшно продолжалъ отступление къ Ратану. Отходя къ Ратану, т. е. къ морскому берегу, прикрывая сообщенія шведскаго десанта съ флотомъ, въ то же время открывалъ до сихъ поръ перехваченныя шведами сообщенія графа Каменскаго съ сѣверной Вестроботніей. Отступление шведовъ продолжалось всю ночь; 8-го къ утру они сосредоточились къ Ратану, и флотъ ихъ приблизился къ берегу для дѣйствія по нашимъ войскамъ въ случаѣ ихъ наступленія.

Шведскіе историки (Норденсванъ 473) прямо приписываютъ рѣшеніе Вахтмейстера отступить къ Ратану «робости и страху передъ побѣдоноснымъ врагомъ» и находятъ, что отданное ему адмираломъ Пуке категорическое приказаніе оборонять во что бы то ни стало Двекнебоду при такомъ настроеніи не могло имѣть никакого вліянія...

Когда послѣднія шведскія войска очищали Двекнебоду, начали появляться передъ нею передовыя части наступающихъ русскихъ колоннъ. Каменскій не рассчитывалъ, что шведы отступятъ отъ Двекнебоды и только на пути получилъ донесеніе объ этомъ. Удивленный, что шведы не удержались у Двекнебодскаго дефиле, Каменскій вслалъ казачьи развѣзды нащупать непріятеля вдоль большой дороги; пройдя до Бюгдео, послѣдніе нигдѣ не обнаружили противника. Тогда Каменскому сдѣлалось яснымъ, что шведы отступили къ Ратану, и онъ рѣшилъ безотлагательно всѣми силами двинуться туда, уже не стѣсняясь съ противникомъ, явно выказывающимъ нерѣшительность и страхъ. Одну часть своего корпуса, подъ начальствомъ Сабанѣева, онъ направилъ по тропинкѣ, непосредственно ведущей къ морю, а другую, въ предшествіи отряда Казачковскаго (притянутаго изъ Умео и не участвовавшаго въ Севар-

¹⁾ Nordensvan, стр. 472—73.

бокѣмъ бою) двинулъ по другой тропѣ, выведившей къ правому флангу шведовъ. Чтобы облегчить движеніе по этимъ лѣснымъ тропамъ, всю артилерію, кромѣ двухъ орудій, приданныхъ къ первой колоннѣ, онъ вмѣстѣ съ обозами продвинулъ, подъ прикрытіемъ, по большой дорогѣ до Бюгдео, съ приказаніемъ ожидать здѣсь полнаго очищенія намъ пути на сѣверъ... Къ этому побудило Каменскаго и другое важное обстоятельство: снаряды были на исходѣ.

Сабантѣвъ вскорѣ наступилъ арберггардъ непріятеля, сбился и отбѣсилъ его къ Ратанской гавани; къ 2-мъ часамъ подошелъ Козачковскій, а слѣдомъ за нимъ — и остальные наши силы, кольцомъ охватившія шведовъ. Положеніе послѣднихъ было безвыходное.

Генералъ-маіоръ Ансельмъ-де-жибори посланъ былъ Каменскимъ къ Вахтмейстеру съ приглашеніемъ положить оружіе, грозя въ противномъ случаѣ, что немедленно атакуетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Вахтмейстеръ отвѣтилъ, что «шведская армія не можетъ принимать предписаній отъ своихъ враговъ и готова принять ихъ нападеніе»¹⁾. Тогда Каменскій въ 4 часа дня повелъ атаку въ направленіи обѣихъ дорогъ, по которымъ пришли части его корпуса; онъ рѣшился на эту атаку, имѣя всего 2 пушки противъ всей шведской артилеріи и орудій шведскаго флота. Цѣпи нашихъ егерей разсыпались по окраинамъ лѣса и повели наступленіе, тѣся шведскихъ стрѣлковъ; послѣдніе посѣпили отойти, чтобы очистить мѣсто для своихъ орудій. Послѣднія заговорили и съ сухого дуги, и съ флота; конечно, нашимъ двумъ пушкамъ нечего и думать было съ ними состязаться, а пѣхотѣ нашей пришлось удерживаться близъ опушки, и только на флангахъ люди продвинулись, по колѣно въ водѣ, берегомъ и открыли огонь по лодкамъ. Такое взаимное и, въ сущности, малодѣйствительное обстрѣливаніе продолжалось до наступленія темноты.

Такимъ образомъ, противникъ освободилъ нашъ путь отступленія и былъ прижатъ къ морю; но нанести ему болыной вредъ, а тѣмъ болѣе принудить къ капитуляціи мы фактически возможности не имѣли: въ нашемъ корпусѣ почти совершенно изсякли огнестрѣльные припасы, а шведы имѣли въ своемъ распоряженіи сильную артилерію и могли пользоваться поддержкою огня своихъ судовъ.

На другой день шведы, успѣвшіе за ночь погрузить часть войскъ на суда, уже могли, въ сущности, не опасаться дальнѣйшаго преслѣдованія; однако, впечатлѣніе, произведенное на нихъ смѣлымъ

¹⁾ Такъ пишутъ шведскіе историки. По М. Д. (178) Вахтмейстеръ просилъ о томъ, чтобы разрѣшено ему было свободно съѣздить на суда, но Каменскій отказалъ въ этомъ.

натискомъ Каменскаго, было такъ велико, что они сами сдѣлали первый шагъ къ переговорамъ, подъ предлогомъ необходимости передать землѣ тѣла убитыхъ. Каменскій отказалъ въ этомъ. «Предоставьте побѣдителямъ заботиться о погребеніи», отвѣтилъ онъ, «а ежели имѣете нужду переговорить о чемъ-либо важнѣйшемъ, то пріѣзжайте на мою передовую цѣпь, но торопитесь уходить изъ гавани; иначе найду средство съечь вашу флотъ»²⁾. Конечно, средствъ такихъ въ рукахъ Каменскаго не было, и быть не могло, но психическое вліяніе успѣха гипнотизировало шведовъ, и для побѣдителей, казавось, все было возможно...

Графъ Вахтмейстеръ лично пріѣхалъ на наши аванпосты, и здѣсь, въ 7 часовъ вечера 9-го августа, произошли переговоры между нимъ и графомъ Каменскимъ. Послѣдній поставилъ категорическимъ условіемъ перемирія отплытіе шведскаго флота изъ Кваркена и полную свободу судоходства для насъ въ сѣверной части Ботническаго залива. Въ свою очередь Пукъ и Вахтмейстеръ выговаривали себѣ право свободной амбаркаціи и выхода въ море. На этихъ условіяхъ закончено было перемиріе, и на слѣдующій день флотъ непріятельскій сталъ уходить въ море...

Потери шведовъ въ бою у Севара и Ратана, по шведскимъ источникамъ²⁾, доходятъ до 29 офицеровъ (изъ нихъ 6 убитыхъ и 5 плѣнныхъ), 877 нижнихъ чиновъ (изъ нихъ 399 убитыхъ и 80 плѣнныхъ) и кромѣ того 6 офицеровъ и 112 н. чиновъ флота. По Мух.-Данилевскому потери шведовъ исчисляются въ 2,000 человекъ, а число плѣнныхъ — въ 270 человекъ и 300 поднятыхъ на полѣ битвы раненыхъ. Наша потеря показана до 1,500 чел., изъ коихъ громадное большинство приходится на бой подъ Севаромъ..

Такимъ образомъ, графу Каменскому удалось избавиться отъ наиболее опасной группы противника, «усадивъ» ее на собственные суда (какъ выражался онъ самъ въ донесеніи). Оставалась другая группа, предводимая графомъ Врско. Послѣдній поджидать подхода подкрѣпленій подъ предводительствомъ фонъ-Добельна изъ Гамланды и не рассчитывалъ, чтобы высадка Вахтмейстера могла совершиться такъ скоро. Онъ задался цѣлью привлечь на себя вниманіе противника и, совершенно не замѣчая, что имѣетъ передъ собою только слабый отрядъ Эриксона, началъ показывать намѣреніе переправиться черезъ рѣку Эре. Только въ это утро (6-го августа) узналъ онъ объ уходѣ на сѣверъ болышей части русскихъ силъ; предполагалъ, что высадка уже произведена, но не имѣя о томъ

¹⁾ М. Д., стр. 479.

²⁾ Соч. Lindström. «Экспедиція адмирала Пукъ въ Вестрботнію».

ровно никакихъ извѣстій, Вреде рѣшилъ попытаться перебить рѣку, но дѣлалъ это столь медленно и нерѣшительно, что потратилъ почти цѣлыхъ 2 дня. Только 8-го августа, т. е. въ день Ратанскаго боя, отрядъ Вреде началъ наступленіе къ Умео, имѣя въ авангардѣ Саволакскихъ егерей. Движеніе замедлялось необходимостью возстановливать всѣ переправы черезъ многочисленныя водныя потоки, предусмотрительно разрушенныя русскими. Къ полудню 9-го шведы подошли къ берегамъ Умео. Дебельнъ присоединился, и вся численность отряда превышала 4,000 человекъ. На южномъ берегу рѣки виденъ былъ русскій редутъ, и грозно торчали дула четырехъ орудій. Это былъ аррьергардъ, оставленный Эрикссономъ, подъ командою подполковника Карпенкова, — всего баталіонъ съ казаками, прикрывавшій голову плавучаго моста. Не имѣя артилеріи, Карпенковъ пустился на хитрость, — вырасилъ четыре бревна и поставилъ на подобіе пупекъ... Это обстоятельство удерживало шведскихъ стрѣлковъ, переправившихся черезъ рѣку, а тѣмъ временемъ подошли главныя силы Эриксона; выѣхавшая настоящая батарея брызнула картечью по канонеркамъ, входившимъ въ устье Умео, чтобы поддержать переправу; Карпенковъ успѣлъ благополучно отойти за мостъ, который былъ нами разведень. Черезъ рѣку завязался артиллерійскій огонь, затянувшійся до вечера; къ утру 10-го Эриксонъ былъ уже подкрѣпленъ 7-ю бат., посланными Каменскимъ, а Вреде получилъ извѣстія объ участи Вахтмейстера и приостановилъ переправу.

Графъ Каменскій имѣлъ полную возможность сосредоточить теперь всѣ силы противъ Вреде и довести до конца операцію, нанеся ударъ и второй, уже задержанной его аррьергардомъ, группѣ противника; но этому препятствовала важная и ничѣмъ непоправимая причина: недостатокъ продовольственныхъ и, главное, — огнестрѣльныхъ припасовъ. Еще прокормиться бое-цакъ можно было бы въ теченіе нѣсколькихъ дней, хотя мѣстныя средства въ Умео-скомъ районѣ были до крайности истощены долговременнымъ пребываніемъ войскъ; но патроновъ и снарядовъ пополнить было не откуда. Поэтому пришлось отказаться отъ важнѣйшаго условія успѣха дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ липіямъ: быстроты и безостановочности въ развитіи операціи. Легко понять, какъ претило это Каменскому, но онъ не могъ пойти на безразсудный рискъ и 12-го августа повелъ весь корпусъ къ Питео, куда, по его расчетамъ, долженъ былъ прибыть изъ Улсборга обильный судово-вой транспортъ.

П. Кубе.

(Продолженіе слѣдуетъ).